

ЭДГАР УОЛЛЕС

НАЙТИ РЕКСА

Кеддлеру, молодому юристу из городской прокуратуры, прочили блестящее будущее. Увы, однажды он устал довольствоваться материалом по делу, предоставленным трудолюбивыми, но абсолютно лишенными воображения констеблями, и начал собственное расследование, в коем преуспел — и настолько, что даже несгибаемый шеф полиции этот успех признал и предложил Кеддлеру пост у себя в Новом Скотленд-Ярде.

Конечно, тот с радостью принял предложение.

Но опять-таки увы — на государственной службе нет места самостоятельности. Кеддлер был определен в следственное отделение и вскоре понял, что вся его работа состоит в том, чтобы подготавливать те самые материалы по делу для своего премника в прокуратуре.

Через полгода такого времяпрепровождения он подал прошение об отставке.

Вернуться на прежнее место он не мог, а потому — вопреки мнению друзей и мрачным прогнозам недавнего начальства — открыл в центре Лондона собственный офис, предлагая всем желающим услуги частного детектива.

Вскоре, несмотря на перечисленные выше зловещие предсказания, он приобрел и богатство, и известность — но если первое радовало, то второе скорее огорчало. И не потому, что

Джон Кеддлер страдал излишней скромностью; просто уже трижды его опознавали именно тогда, когда жизненно важно было остаться инкогнито.

Он начал с работы на Провинциальный Банк по делу о фальсификации документов, в котором полиция потерпела неудачу, и постепенно набирал клиентуру — пока наконец не был призван Скотленд-Ярдом на помощь в поимке Рекса Джодера, он же Том-Милашка, он же Ламберт Соллон.

Несколько департаментов полиции жаждали привлечь Рекса за страховое мошенничество, выдачу себя за других лиц, кражи, подделку документов и иные преступления против собственности — самого разного рода. Главным обвинением, впрочем, было страховое мошенничество: некая весьма известная компания из Чикаго потеряла на этом семьсот тысяч долларов, которые очень хотела себе вернуть, — и вернуть, пока они не утекли сквозь пальцы Рекса, печально известного своей способностью прожигать чужие деньги.

Ради достижения столь желанной цели компания и наняла Кеддлера. Увы, в третий раз! От чрезмерно болтливых журналистов хитрый и безжалостный вор выяснил, кто именно представляет для него главную опасность, и два дня просидел в деревне, где располагался скромный коттедж врага. Стоило приподнившемуся Кеддлеру выйти из машины и открыть ворота, как ему на плечо обрушилось шесть фунтов мокрого песка. Песок был увязан в длинный мешок наподобие сардельки. Предполагалось, что удар придется не в плечо, а в голову — и окажется смертельным.

При иных обстоятельствах грустить бы нашему герою по непойманному вору до самого Страшного Суда, когда все, как известно, встречаются, однако преступник сам себе навредил, решив довести дело до конца.

Кеддлер не упал, а выхватил револьвер — но на дуле блеснул красный огонек от стоп-сигнала и выдал его Рексу.

Тот нырнул в кусты и скрылся, а наш герой, сами понимаете, был слишком хорошо воспитан для того, чтобы пугать соседей, среди ночи стреляя по удирающему преступнику. В некотором роде его можно было назвать рабом общественного мнения... но, однако ж, эта забавная история сослужила Кедд-

леру добрую службу: он сосредоточил все усилия на деле Рекса — да так, что не прошло и недели, как полиция вскрыла некий сейф и обнаружила в нем аккуратные стопочки пропавших денег, оставленные введенным в заблуждение вором.

К этому результату привела изящная комбинация, для которой понадобились талант детектива, пьяный мужчина, напуганная девушка (Рекс был весьма слаб по женской части) и вырванные у нее неосторожные слова о ключе на шее возлюбленного. Поймали бы и самого вора, но полиция немного перестаралась с подготовкой к операции.

Плод двухлетней работы — работы рискованной и требовавшей предельного напряжения ума — был утрачен. Сказать, что Рекс был в раздражении, — значит, ничего не сказать. Ему светило пожизненное заключение, причем светил им не кто иной, как Джон Кеддлер. И с точки зрения страховой компании, чью благодарность тот заработал, Кеддлер был гарантией неприятного для вора исхода.

Но... спрошенный своим доверенным лицом: «А как же Рекс?» — Кеддлер ответил:

— А он подождет. Если честно, он мне больше не интересен.

И тот ждал — в дешевой квартире на одной из узких улочек Ламбета¹. Ибо как раз ему детектив был по-прежнему весьма интересен.

* * *

Джон Кеддлер тем временем с удовольствием принял предложение развеяться и расследовать похищение драгоценностей леди Брессвел. Эта леди жила на озере Комо, а Кеддлер питал к итальянским озерам особые чувства.

Этой поездке было суждено свести его с маркизой Делла Гарда — несчастнейшей из смертных.

С самого начала ее замужество оказалось под косою вопро- сительного знака, который грозился целиком и полностью

¹ Нарочито ироническая формулировка. Ламбет и сейчас, и в описываемую пору — очень фешенебельный район Лондона. Там, конечно, тоже можно найти относительно недорогое жилье, но, похоже, Рекс совершенно не желает отказываться от привычки к роскоши. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

скосить всякую правдивую информацию, чтобы та, не дай Бог, не задушила цветник толков и сплетен.

Семейство Делла Гарда, несомненно, ненавидело маркизу, урожденную Мону Харрингэй, и ненависть их произрастала из глубочайшего разочарования. Маркизу они называли *Secora Pelugnera* (благородное семейство питало слабость к испанскому — языку своих предков Борджиа¹), то есть «госпожа Парикмахерша» — кличка, призванная подчеркнуть тот полузабытый факт, что ее отец был изобретателем «Эликсира Харрингэя для роста волос».

Этот брак во всех отношениях следовало охарактеризовать как «удивительный». Муж, Джокоми, не был обнищавшим троюродным кузеном знатных господ — он являлся невероятно богатым главой семейства Делла Гарда. Таким образом, обычное объяснение того, что именно связало итальянского аристократа и дочку американского богача, в данном случае не подходит.

Встретились они в доме Харрингэев на Лонг-Айленде, где Джокоми Делла Гарда был в гостях. То был первый раз, когда он покинул Европу столь надолго, потому Джокоми страдал от тоски по дому, ощущал себя глубоко несчастным и, естественно, едва лишь встретив Мону, чисто инстинктивно на ней женился. Она же не смогла устоять перед сочетанием его приятной внешности и неотступности его ухаживаний.

Свадьба стала гвоздем светского сезона.

Любовная горячка отпустила Джокоми лишь тогда, когда мыс Сэнди Хук скрылся за кормой лайнера, сменившись ужасом пред несомненно грядущим семейным скандалом. Несмотря на милую внешность и прекрасные манеры, во всем остальном *милым* Джокоми отнюдь не был. Если точнее, им всецело владела жажда чужого одобрения — страсть пагубная, но наиболее близкая человеческому сердцу. Чем ближе была Генуя, тем меньше места в его сердце занимала жена — которая, вдобавок, успела уже утратить тот покров тайны, ко-

¹ Это не ошибка: Борджиа — знаменитый (во многом *печально* знаменитый) итальянский род, действительно имеет испанские корни, о чем представители этого семейства и его «дочерних» аристократических фамилий никогда не забывали.

торый, подобно болотному огню, всегда манил Джокоми и нередко заводил его в дебри приключений, но доселе не приводил к алтарю.

Мона осознала всю унылую тяжесть своей участи задолго до того, как ступила под холодные и давящие своды мрачного дворца, бывшего домом для шестнадцати поколений Делла Гарда. Ни суровое величие палаццо, ни очарование виллы Мендоса на берегах прекрасного озера Комо не могли заменить новобрачной утраченных иллюзий.

Однако единственная поездка на виллу не прошла даром.

Леди Брессвелл, дама добросердечная и порой весьма склонная поболтать, как раз показывала Кеддлеру красоты озера — благо, драгоценности удалось вернуть, и без скандала, неизбежного в случае вмешательства полиции. Потому дорогая моторная лодка ее светлости как раз пристала к берегу близ Карденавии, а слуги накрывали к обеду.

В этот-то миг из-за небольшого мыса вывернула лодка с юной девушкой.

Она гребла сама — уверенно и спокойно — и, кажется, не замечала леди и ее спутника, хотя и была от них всего ярдах в двенадцати.

Для Кеддлера все женщины прежде были, в общем, на одно лицо — но сейчас он замер в изумлении. Его очаровывало все: блеск солнца в золотисто-рыжих волосах, печать грусти на нежном личике, грациозный силуэт... казалось, то была не девушка, а видение из мира грез.

Он смотрел на нее, не отрываясь, до тех пор, пока лодка не скрылась за кустом фуксии, растущим на краю белого причала.

Тогда детектив глубоко вздохнул — и пробудился от оцепенения, чтоб услышать веселый смех леди Брессвелл.

— Кто это был? — спросил Кеддлер почти шепотом.

— Я уже дважды говорила, но вы были весь в своих мечтах, — улынулась леди. — Она хороша, правда?

— Кто она?

— Маркиза Делла Гарда. Американка, на которой женился Джокоми. Бедняжка — он тот еще мерзавец.

— О... — только и сказал Кеддлер.